

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ: ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРИЧИНЫ ФИАСКО

Дмитрий Герчановский¹

Abstract

The identification of the causes and major traits as well as trajectories of unsuccessful developmental states becomes highly relevant in contemporary ideologically laden debates among social scientists who have been grappling with the dichotomy “developmentalism vs neo-liberalism” for several decades. It allows getting an adequate understanding of the gist of contemporary sociological and political-economic discourse on development models, transformations of modernity and its features on the post-Soviet space. Thus, looking at the experience of unsuccessful developmental states is no less important than analyzing success stories.

Academic literature discussed in the paper allows us to emphasize the first factor of the successful developmental state – a capable and autonomous bureaucracy which is at the same time embedded into the society. The Soviet bureaucracy was isolated from the society; Indian, Brazilian and Irish bureaucracies have been relatively weak and thus not very effective and adequate while tackling the challenges that these states have faced. However, historical examples of successful diffusion of technological innovation and institutional models suggest the possibility of building of the developmental state in non-Asian civilizational and non-authoritarian political contexts. Achieving this goal is possible only if the ruling establishment experiences a “shock therapy” threatening its privileged position in a society, cultivation of competent and capable bureaucracy, as well as the formation of the rational voters, capable of long-term calculation of their interests.

Keywords: development, modernization, developmentalism, the state, developmental state, unsuccessful developmental state.

В современных условиях глобального кризиса, который в ситуации Украины накладывается на вызовы трансформации постсоциалистических социума и режима, разработка и реализация эффективной стратегии модернизации становится задачей первоочередной важности². Подобная интеллектуальная

¹ Дмитрий Герчановский — аспирант кафедры социологии факультета социологии и права Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт».

² П. Кутуев, О. Якубин, Д. Герчанівський: Держава, що сприяє розвитку: вступ до соціологічної проблематики // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4 (2015), 3-19.

и идеологическая повестка дня делает особенно актуальным вопрос о том, какой опыт может стать полезным для украинского пути развития.

Согласно мнению многих влиятельных представителей социальных наук (Дэвид Харви³, Колин Хей⁴, Лойк Вакан⁵, Алан Турен⁶, Георгий Дерлугьян⁷ и этот список может быть продолжен), в современном глобальном сообществе гегемонной идеологией является неолиберализм. Естественно, конкретные исторические и национальные проявления неолиберализма существенно отличаются. В то же время современная гегемония неолиберализма отодвигает на второй план длительную историю девелопментализма, который был значимым элементом идеологического ландшафта (и что даже более важно – заметной по своему масштабу политической и управленческой практикой) в период от окончания Второй мировой войны и по крайней мере до конца семидесятых годов. Подобная ситуация в глобальном идеологическом дискурсе значительно сужает горизонты для формирования релевантной запросам Украины политики развития и модернизации.

Несмотря на все свое внешнее/риторическое многообразие, основные силы, действующие в украинском политическом поле, предлагают в качестве спасительной панацеи для украинской экономики неолиберальные предписания «свободного рынка»⁸. При этом эффективность неолиберальной экономической политики, которая достаточно последовательно реализовывалась последние годы, вызывает сомнения: согласно рейтингу авторитетного швейцарского банка Credit Suisse на октябрь 2015 года, Украина остается беднейшей страной Европы со средним уровнем благосостояния взрослого в \$ 1437⁹.

Более того, согласно замечанию современного украинского социолога Владимира Ищенко, неолиберальная политика, вопреки уверениям ее сторонников, успешно сосуществует с коррупцией и монополиями, а «инсайдерский» характер приватизации способствовал захвату власти олигархическими группами, которые до сих пор определяют политический ландшафт Украины. Возрастание государственных расходов с 2000 и особенно после 2005 года так и не

³ D. Harvey: *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford University Press 2005, 256.

⁴ C. Hay: That was Then, This is Now, in: *New Political Science*, 1/ 20 (1998), 7-34.

⁵ L. Wacquant: *Logics of Urban Polarization: The View From Below*, in: *Renewing Class Analysis*, Oxford: Blackwell 2000, 101-119.

⁶ A. Touraine: *Critique of Modernity*, Oxford: Blackwell 1995, 398.

⁷ Г. Дерлугьян: *Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы*, Изд. Института Гайдара 2013.

⁸ П. Кутуев: *Соціологічна теорія поміж Сходом і Заходом*, Київ: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова 2011, 5.

⁹ Суммой всех финансовых и нефинансовых активов за вычетом долговых обязательств; по данным Credit Suisse Research: *Global Wealth Databook 2015*, October 2015.

привело к уменьшению социального неравенства или преодолению теневой коммерциализации социальной сферы¹⁰.

Острый политический кризис 2014–2015 годов, вызванный им значительный спад экономики, а также влияние геополитических и геокультурных структур, поддерживающих гегемонию неолиберализма в глобальном масштабе, побуждают украинских политиков снова искать выход из ситуации в императивах свободного рынка. Множество характерно неолиберальных элементов мы можем найти в разработанной по инициативе Президента Украины Петра Порошенко и представленной в 2014 году Стратегии устойчивого развития «Украина-2020» и Соглашения о коалиции депутатских фракций «Европейская Украина». Так, в стратегии «Украина-2020» декларируются, среди прочего, повышение личной ответственности граждан за собственное здоровье и создание бизнес-дружественной обстановки на рынке здравоохранения; уменьшение количества налогов и их размера; дерегуляция предпринимательской деятельности путем сокращения лицензирования и уменьшения количества документов разрешительного характера; сокращение количества органов государственного надзора; защита экономической конкуренции; либерализация рынков электрической и тепловой энергии¹¹. Соглашение о коалиции депутатских фракций «Европейская Украина», сформированное на основе «Стратегии устойчивого развития “Украина-2020”», как закрепляет многие вышеуказанные неолиберальные аспекты, так и включает в себя множество элементов, более характерных для политики welfare state¹². Подобная эклектичность политики, попытка одновременно декларировать высокую степень социальной защиты и оставаться в рамках политики «свободного рынка» является, по мнению В. Ищенко, характерной особенностью украинского периферийного неолиберализма. Таким образом, наличествует достаточное основание для утверждения о неолиберальной природе украинской экономической политики и шире – политики развития. Наблюдаемые нами результаты этих наборов политик – рост социального неравенства и усиление власти глобально-ориентированного олигархического капитала (политического капитализма, языком М. Вебера и И. Селеньи) – соответствуют именно неолиберальному типу экономической политики¹³. За фасадом плюралистической политической риторики в Украине скрывается идеологическая конвергенция на основе принципов неолиберализма, причем последние далеко не всегда эксплицируются, рефлексированы и/или признаются самими идеологами/интеллектуалами, вовлеченными в дебаты касательно путей развития/модернизации украинского

¹⁰ В. Ищенко: *Неолибералізм з українською специфікою?*, commons.com.ua.

¹¹ Указ Президента Украины «О Стратегии устойчивого развития «Украина-2020»», <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/5/2015>.

¹² Соглашение о коалиции депутатских фракций «Европейская Украина», <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/n0001001-15>.

¹³ В. Ищенко: *Неолибералізм з українською специфікою?*, commons.com.ua.

общества. Следовательно, в данном контексте правомерно вести речь об идеологическом воздействии (в понимании Карла Маркса), которое заключается в продуцировании искривленной картины мира.

В то же время необходимо осознавать, что полное отрицание неолиберального подхода к развитию автоматически не порождает продуктивной и эвристической альтернативы. Более того, одномерная увлеченность государствоцентричной девелопменталистской стратегией является не менее опасной, нежели интеллектуальное и идеологическое доминирование неолиберализма. Таким образом, обсуждение успешного опыта модернизаций, движущей силой которых являлось государство, способствующее развитию (*developmental state*), должно избегать телеологии и универсализации весьма специфических конкретно-исторических условий, а также дополняться осознанием возможности не только провалов рынка (*market failures*), но краха политики развития, инициируемого активным государственным вмешательством. В свое время С. Хантингтон указывал на равнозначимость для политической науки допущения как политического развития, так и политического упадка (*political development versus political decay*). В этом контексте концентрация нашего исследовательского внимания на опыте несостоявшихся государств, способствующих развитию, поможет избежать плена бинарного мышления в системе координат идеологических экстремумов.

Неспособность истеблишмента независимой Украины уже в течение почти четверти века не только реализовать, но даже сформулировать последовательную и эффективную политику развития и модернизации общества делает чрезвычайно актуальным анализ альтернатив неолиберальной визии. Здесь уместным становится обращение к историческому примеру ряда государств: Японии, позже – Южной Кореи и Азиатских Тигров, частично – Китайской Народной Республики. В свое время политические элиты этих стран действовали не столько в духе классического либерализма (т.е. однобоко прочитанного Адама Смита), сколько на основе интуитивного воспроизведения протекционистских и интервенционистских идей Фридриха Листа. В результате сформировался консенсус государственной бюрократии и владельцев капитала, который способствовал созданию эффективных в экономическом отношении государств, впоследствии концептуализированных в социологической литературе как «государства, способствующие развитию».

Таким образом, целью данной статьи является попытка идентификации ключевых причин и ошибок на уровне построения институтов, которые привели к провалу усилий по построению государства, способствующего развитию. Реконструкция неудачного опыта построения государств, способствующих развитию, приведет как к увеличению нашего социально-теоретического знания, так и к улучшению понимания того, какие стратегии и инструменты

являются не адекватными для реализации принципов девелопментализма, а также оценке того, в какой мере девелопментализм способен быть действенной альтернативой будущего развития для современной Украины.

Developmental state: концептуальное поле

Американский социолог и экономист, автор термина *developmental state* Чалмерс Джонсон впервые использовал его в своей работе 1982 года «Министерство внешней торговли и промышленности Японии: Японское чудо» («MITI and the Japanese Miracle»). Под государством, способствующим развитию, Джонсон понимал такое государство, в котором бюрократия способна эффективно и целенаправленно регулировать рыночную экономику¹⁴.

В своей классической форме данная теория через синтез особенностей траектории движения ряда государств Восточной Азии формирует некий идеальный тип такого государства. «Классический» список государств, способствующих развитию, обычно включает в себя Японию, Южную Корею и Тайвань. Иногда в этот список добавляют и других Азиатских Тигров – Сингапур и Гонконг (последний на сегодняшний день является особым административным районом Китайской Народной Республики), но из-за малой территории и специфического исторического развития их концептуализация как государств, способствующих развитию, затруднена. Для всех этих государств характерны мощная индустриальная экономика, высокие темпы экономического роста, квалифицированная и автономная государственная бюрократия. Все эти государства, которые в 1950-е годы были среди беднейших стран периферии, за очень короткий срок смогли развить конкурентоспособную на мировом рынке промышленность и, встроившись в глобальные производственные цепочки, провести успешную и эффективную модернизацию.

Точный перечень атрибутов государства, способствующего развитию, не является фиксированным или исчерпывающим, но, ссылаясь на модель американского социолога Питера Эванса, можно выделить следующие критерии:

- дееспособная, автономная в принятии решений, но одновременно укорененная в обществе бюрократия;
- политическое руководство, которое ориентируется на модернизацию;
- близкие, часто – симбиотические отношения между некоторыми государственными органами и ключевыми промышленными капиталистами;

¹⁴ C. Johnson: *MITI and Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*, Stanford: Stanford University Press 1982.

– успешные политические меры, которые способствуют экономическому росту¹⁵.

На русский язык ключевой термин был переведен украинским социологом Павлом Кутуевым в 2000-х годах как «государство, способствующее развитию». Исторический опыт государств, способствующих развитию, был преимущественно авторитарно-милитаристским. В этом контексте симптоматичным является перевод термина *developmental state* в русскоязычных работах американского исторического социолога российского происхождения Георгия Дерлугьяна, который предлагает термин «диктатура развития». Логика размышлений Г. Дерлугьяна такова: он обнаруживал подобный тип государства в сталинском СССР (вне всякого сомнения, автократической диктатуре); по этой причине американский социолог отождествляет государства, которые активно и успешно стимулировали развитие, с диктатурами, нацеленными на преодоление отставаний от стран ядра мир-системы. При этом вопрос, осуществлялась ли такая модернизация в рамках рыночной или плановой модели экономики, для Дерлугьяна является несущественным¹⁶. Подобный взгляд на СССР как государство, способствующее развитию, высказывал также индийский политэконом Амия Кумар Багчи¹⁷.

Однако государства, основанные на деспотической власти, в терминологии Майкла Манна, даже в случае осуществления стремительной догоняющей модернизации обычно оказываются неспособными поддерживать темпы развития на протяжении длительного периода. Соответственно, не менее важной задачей, стоящей перед государствами догоняющего развития, становится формирование инфраструктурного измерения власти и демократизация без потери эффективности государственного управления, что было реализовано с той или иной степенью успешности всеми теми государствами, которые сейчас принято считать «классическими» примерами успешной догоняющей модернизации.

Успех модели государства, способствующего развитию, в Восточной Азии делает актуальным рассмотрение возможности применения такой институциональной матрицы для других государств, которые нуждаются в эффективной стратегии догоняющего развития. Однако неспособность государств за пределами восточно-азиатского региона успешно реализовать эту модель остро ставит, в свою очередь, вопрос об универсальной применимости модели государства, способствующего развитию, и порождает необходимость внимательного рассмотрения траекторий развития тех государств, которые пытались в той или иной форме реализовать стра-

¹⁵ P. Evans: *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*, Princeton, NJ: Princeton University Press 1995.

¹⁶ Г. Дерлугьян: *Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы*, Москва: Изд. Института Гайдара 2013, 176.

¹⁷ A. K. Bagchi: *The Past and the Future of the Developmental State*, in: *Journal of World-Systems Research*, VI/ 2 (2000), 398-442.

тегию государства, способствующего развитию, но не добились значимых и/или стабильных результатов.

СССР: сверхбюрократизация государства, способствующего развитию?

Американский социолог Вивек Чиббер в своей статье «Бюрократическая рациональность и государство, способствующее развитию»¹⁸ отмечает, что несмотря на то, что развитие мощного бюрократического аппарата является критическим фактором для возникновения государства, способствующего развитию, излишнее развитие бюрократии может привести и к противоположным результатам. Часто тонкая граница между эффективной и чрезмерной бюрократией проходит в зависимости от специфики межведомственных отношений. Такую разницу автор иллюстрирует, приводя примеры Индии и Южной Кореи. Обе страны осуществляли догоняющую индустриализацию, и обе имели относительно производительную бюрократию. Но индийский государственный аппарат фактически был парализован из-за запутанных межведомственных связей и имел фрагментарный характер, в то время как корейское правительство смогло обеспечить необходимую внутреннюю согласованность его работы.

Распад Советского Союза часто рассматривается как крах модели плановой экономики, но в социологической литературе мы можем встретить и примеры его рассмотрения как неудавшегося государства, способствующего развитию. В пользу такого определения говорит тот факт, что многими наработками советской системы, например пятилетними планами, пользовались те страны, идентификация которых как государств, способствующих развитию, в целом не вызывает дискуссий в среде социологов, например Южной Кореи с 1962 по 1996 годы.

Советская «диктатура развития», в терминологии Г. Дерлугьяна¹⁹, несмотря на тоталитарную диктатуру в сфере политики, демонстрировала значительные экономические достижения вплоть до 1950-х годов. Это проявлялось в высоком уровне индустриализации и быстрой трансформации профессиональной структуры общества, в результате чего большинство населения перестало быть занято в сельском хозяйстве. Приоритет индустриализации и мощная идеологическая поддержка помогли Советскому Союзу противостоять натиску нацистской Германии. Восстановление промышленности и инфраструктуры Советского Союза и стран в сфере его влияния в Восточной Европе после Второй мировой войны также стало значительным достижением, это сопровождало...

¹⁸ V. Chibber: *Bureaucratic Rationality and the Developmental State*, in: *American Journal of Sociology*, 107/4 (2002), 951-989.

¹⁹ Г. Дерлугьян: *Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы*, Москва: Изд. Института Гайдара 2013, 176.

лось ядерной и космической программами, значительным развитием социальной сферы в 1950-60-х годах.

По данным, которые А. Багчи приводит в своем исследовании²⁰, сравнительный анализ индустриализации показывает, что индекс индустриализации на душу населения в Советском Союзе (по сравнению с условным показателем 100, который приравнивается к уровню индустриализации Великобритании в 1913 году) составлял 20 в 1913 году, оставался на том же уровне в 1928 году (после восстановления от разрушительного влияния Первой мировой и гражданской войн), но увеличился до 73 в 1953 году (восстановление хозяйства после Второй мировой войны). Для Японии же этот показатель составлял 20 в 1913, 30 в 1928 и 40 в 1953 году. Таким образом, экономическое развитие Советского Союза было более продуктивным, нежели японское, вплоть до 1950-х годов. Позже, однако, можно наблюдать стагнацию: в 1980 году уровень условного показателя индустриализации на душу населения составлял 252 – для Союза и 353 – для Японии. Общий рост производительности производства (в процентах в год) в СССР составлял 3,63%, 1,83% и только 0,26% за периоды 1950-60, 1960-70 и 1970-75 годов соответственно.

Еще до начала восточноевропейского кризиса 1980-х советская экономическая система стала заложницей ряда взаимодополняющих проблем. Государственные предприятия систематически требовали больше ресурсов, чем было доступно, а органы планирования не в состоянии были дисциплинировать их. Результатом стало сверхинвестирование и падение производительности производства. Проблемы усугублялись неспособностью разработать систему стимулирования, которая позволила бы эффективно внедрять результаты научных разработок для массового производства. Даже тогда, когда инновации успешно внедрялись на отдельных предприятиях, не существовало механизма для их скорейшего распространения. Отчасти из-за западного эмбарго на передачу ключевых технологий в Советский Союз, частично из-за зашоренности советской бюрократическо-политической системы, СССР оказался не способным плодотворно адаптировать и применить технологические достижения других стран.

Таким образом, причину краха советского developmentalistского государства следует искать в социально-политической сфере. Бюрократический аппарат был слишком изолирован от общества, не хватало демократических механизмов. Правительство не смогло эффективно использовать рыночные элементы как дополнение к экономическому планированию для его более тонкой коррекции. Наконец, Советский Союз не смог справиться с военными и экономическими проблемами, связанными с агрессивной позицией капиталистического блока в 1980-е годы. Однако распад советского государства, способствующего развитию, в такой форме, в которой

²⁰ А. К. Bagchi: The Past and the Future of the Developmental State, in: *Journal of World-Systems Research*, VI/ 2 (2000), 428.

оно существовало до 1950-х годов, не был неизбежным. «Точкой невозврата» стал момент перехода от хрущевской оттепели к дегенеративной бюрократии времен Брежнева, когда плоды индустриализации, земельной реформы, уничтожения иностранных олигополий, развития всеобщего образования и относительно эгалитарного распределения доходов были растрачены номенклатурой²¹.

«Слабые» государства, способствующие развитию: Бразилия и Индия

Случаи фиаско бразильского и индийского государств, способствующих развитию, можно объяснить подобным же образом. Представляется маловероятным, что причиной провала бразильского девелопментализма стала его авторитарность – японское и южнокорейское государства, способствующие развитию, также были далеко не демократическими. Но бразильский авторитаризм строился на ненадежном фундаменте и был направленным на достаточно узкий круг задач. Во-первых, в истории Бразилии никогда не предпринималось серьезных попыток провести про-крестьянские земельные реформы. Это привело к укреплению помещичьей власти в сфере аграрного производства и переноса модели патрон-клиентских отношений на другие сферы общественной жизни, включая бизнес и политический аппарат. Во-вторых, государство не пыталось дисциплинировать отечественный и иностранный капитал. Когда внутренние инвесторы начали терять свои позиции, экономика стала еще более зависимой от иностранного капитала и автономия действий государства оказалась под серьезной угрозой, даже в условиях, когда военные, казалось, контролировали весь государственный аппарат. В-третьих, слабо развитая система образования и значительное имущественное неравенство привели к падению производительности труда из-за дефицита квалифицированной рабочей силы и, соответственно, снижению конкурентоспособности Бразилии на международном рынке.

Схожей оказалась ситуация вокруг индийской попытки построения государства, способствующего развитию. Во-первых, существенное перераспределение прав на землю в пользу крестьян так и не было осуществлено, и часть земли, как и ранее, контролировалась помещиками. Во-вторых, образовательная сфера развивалась очень медленно, и большинство населения Индии оставалось неграмотным даже в 1980-х годах. В-третьих, значительные секторы индийской экономики контролировались иностранным капиталом, который сдерживал внутренние предпринимательские инициативы. И наконец, законодательство о собственности, регулирующее деятельность основных бизнес-сообществ, оставалось кланово-ориентированным и поддерживало высокие барьеры для входа в бизнес. Долговременный кризис платежного баланса, уси-

²¹ А. К. Bagchi: The Past and the Future of the Developmental State, in: *Journal of World-Systems Research*, VI/ 2 (2000), 430.

ленный увеличением расходов на оборону и расходов, связанных с реализацией ядерной и космической программ, в совокупности с азиатским экономическим кризисом и санкциями, введенными США и некоторыми их союзниками, в итоге обусловил значительную зависимость Индии от притока частного иностранного капитала²².

Если в случае с СССР мы можем говорить о чрезмерной бюрократизации и зарегулированности, которые в итоге и стали причинами краха такой модели государства, способствующего развитию, то ситуация Индии и Бразилии видится в какой-то мере противоположной. Слабые и не очень эффективные государства так и не смогли дисциплинировать внутренний капитал и уменьшить экономическое расслоение общества, обеспечив широкие массы приемлемым уровнем жизни, как это происходило в классических государствах, способствующих развитию.

Ирландия: траектория «кельтского тигра»

Американская исследовательница Ева Паус²³ иллюстрирует, как Ирландия, исторически бывшая одной из беднейших стран Западной Европы, в 1990-х годах добилась резкого экономического роста, но уже к концу 2000-х была ввергнута в глубокий кризис. Успех «кельтского тигра» стал возможным из-за ряда факторов: как региональной и глобальной конъюнктуры, так и, не в последнюю очередь, последовательной государственной стратегии. В отличие от многих государств догоняющего развития, которые брали на вооружение политику свободного рынка, ирландское правительство смогло удачно сочетать либеральный подход к внешней торговле и привлечению прямых иностранных инвестиций в высокотехнологичных отраслях с активной регуляцией промышленной политики для повышения ее кадрового потенциала, развития местных компаний.

В 1970-80-е годы ирландское правительство смогло накопить опыт привлечения иностранных инвестиций в ключевые сферы экономики, в частности в производство электроники, медицинского оборудования и фармацевтических препаратов. В 1980-х годах спрос на электронику, особенно компьютеры, в Европе резко пошел в гору, последние стали товаром массового потребления. Всплеск спроса хронологически совпал с реализацией Single European Act 1986-го, который был направлен на ликвидацию барьеров внутри ЕС для создания единого рынка к концу 1991 года.

Эти факторы, внешние по отношению к Ирландии, обусловили заинтересованность корпораций в открытии или расширении су-

²² A. K. Bagchi: The Past and the Future of the Developmental State, in: *Journal of World-Systems Research*, VI/ 2 (2000), 428.

²³ E. Paus: The Rise and Fall of the Celtic Tiger: When Deal-Making Trumps Developmentalism, in: *Studies in Comparative International Development*, 47/ 2 (2012), 84.

ществующих производственных мощностей в рамках Европейского союза в целом. Ирландия же стала плацдармом для их инвестиций из-за ряда факторов, в частности хорошо образованной, сравнительно дешевой и англоязычной рабочей силы, достаточно развитой транспортной инфраструктуры, низких ставок налогов, макроэкономической и политической стабильности и активного правительства с доказанной эффективностью институционального потенциала. Низкая ставка корпоративного налога в Ирландии и не слишком жесткие правила трансфертных расчетов также внесли немалый вклад в инвестиционную привлекательность Ирландии.

Все это стало, в частности, одним из мотивирующих факторов для компании Intel инвестировать в производство микрочипов в Ирландии в 1990 году. Демонстрационный эффект инвестиций корпорации Intel способствовал последующему притоку инвестиций других производителей в области компьютерных технологий, то же самое произошло на рынках медицинских приборов и лекарственных препаратов.

Все это стало возможным за счет активной, последовательной и целенаправленной государственной политики. Именно инициатива государства имела решающее значение для улучшения инфраструктуры и системы образования, т.е. развития тех элементов, которые были необходимы для привлечения иностранных инвесторов в высокотехнологических отраслях.

Накопление значительного потенциала в области образования стало одним из ключевых факторов для привлечения иностранных инвестиций в сфере высоких технологий. Ирландское правительство начало основные образовательные реформы в конце 1960-х, после доклада Организации экономического сотрудничества и развития, в котором подчеркивалось плохое состояние национальной образовательной системы. Правительство ввело бесплатное среднее образование в 1967 году, подняло минимальный возраст завершения образования с 14 до 15 лет в 1972 году и значительно расширило высшее образование, особенно профессиональное обучение. В результате общий показатель охвата средним образованием в 1990 году достиг 100% по сравнению с 74% в 1970 году. Показатель охвата высшего образования вырос почти в три раза, с 12% до 31%, и продолжал расти до 48% к концу 1990-х годов. В 1998 году высшее образование стало бесплатным, что увеличило показатель охвата до почти 60% к концу 2000-х годов.

IDA (Industrial Development Agency, Агентство по развитию промышленности) было ключевым институциональным актором в Ирландии в рамках стратегии государства, способствующего развитию. Целью его деятельности была адаптация возможностей страны в соответствии с потребностями инвесторов, в основном филиалов крупных ТНК. Воспользовавшись небольшим размером страны, IDA смогло наладить централизованную координацию усилий для удовлетворения текущих и ожидаемых потребностей. Примеры его деятельности варьируются от начала сотрудничества

между различными государственными структурами до введения краткосрочных курсов эсперанто для инженеров, поскольку компания Intel была обеспокоена тем, что Ирландия не имеет достаточного количества работников соответствующего профиля. IDA была также движущей силой для создания государственной программы по обновлению устаревшей системы телефонной связи и перехода к полностью цифровым телекоммуникациям. Совместное предприятие с Global Crossing в 1990 году обеспечило создание системы широкополосной связи, поскольку телекоммуникации становились все более важными для поддержания функционирования глобальных производственных цепочек транснациональных корпораций.

После изменения макроэкономической ситуации в конце 1990-х согласованная политика государства, способствующего развитию, в Ирландии начала давать сбои. С одной стороны, государство активно поддерживало ориентацию на «экономику знаний», это было последовательно поставлено целью национального развития в 2000-х годах. С другой стороны, неформальный союз между политиками, предпринимателями и банкирами, вместе с невмешательством государства в финансовый сектор, породил ряд экономических стимулов, несовместимых с реализацией такой стратегии. Вместо реализации намеченной стратегии развития произошел бум в строительстве и потреблении, что привело к тяжелому экономическому кризису в конце 2000-х годов.

Заключение

Объем данной работы, к сожалению, не позволяет обратиться к множеству других примеров рассмотрения в социологической литературе государств, способствующих развитию, которые не смогли реализоваться, например к исследованию канадским социологом Саидом Рахнема поражения стратегии государства, способствующего развитию, под давлением радикальных исламистов в Египте, Пакистане и Иране²⁴. Однако рассмотренная литература позволяет подчеркнуть первый из факторов успешного становления государства, способствующего развитию, выделенных П. Эвансом, – дееспособную, автономную в принятии решений, но одновременно укорененную в обществе бюрократию. Изолированный от общества советский бюрократический аппарат, относительно слабые и не очень эффективные бюрократии Индии, Бразилии и Ирландии оказались не адекватными задачам, стоящим перед государствами, что в значительной мере и привело к поражению стратегий государства, способствующего развитию. Тут необходимо привести размышления американского социолога Чарльза Локхарта, который убедительно показал, что развитие бюрократического аппарата в случае с государством, способствующем развитию, вовсе не

²⁴ S. Rahnema: Radical Islamism and Failed Developmentalism, in: *Third World Quarterly*, 29/3 (2008), 483-496.

означает создание перегруженного и избыточного big government: довольно небольшой и квалифицированный государственный аппарат Японии эффективно справляется с задачами регуляции экономики²⁵.

Альтернативной неолиберализму стратегией модернизации для Украины потенциально может стать синтез опыта успешных азиатских государств, способствующих развитию, и критического переосмысления траектории движения несостоявшихся государств, способствующих развитию, в первую очередь общества, которое функционировало в контексте демократических политических практик, а именно – Ирландии.

Однако обобщение рассмотренных примеров государств, способствующих развитию, которые не состоялись, делает необходимым постановку некоторых вопросов для дальнейшего исследования, ответы на которые в конечном итоге и определяют возможность успешного применения стратегии государства, способствующего развитию, в украинской политэкономической практике.

1) Государство, способствующее развитию, является исключительно региональным феноменом, присущим Восточной Азии, или же существует возможность успешного внедрения такой институциональной матрицы в других регионах мира? Ведь, говоря об успешных государствах, способствующих развитию, мы подразумеваем именно страны Восточной Азии, а все упомянутые в статье государства, так и не сумевшие реализовать эту модель, географически находятся вне границ последней. Говорит ли это о том, что для успешной реализации стратегии государства, способствующего развитию, необходимы специфическая национальная модель капитализма и соответствующий тип бюрократического аппарата?

2) Государство, способствующее развитию, – это явление прошлого или оно может воспроизводиться в современных условиях глобального дискурса демократии и свободного рынка? Иными словами – что стало критическим фактором для появления этой модели государства: геополитическая конъюнктура холодной войны, последовательная политическая воля местных режимов или же комбинация всех этих факторов? Что именно стало причиной сначала стремительного экономического роста, а потом рецессии в Ирландии: последовательные реформы, проводимые местным правительством (и, соответственно, позднейшее снижение в темпе реализации), либо сиюминутная заинтересованность инвесторов в едином европейском рынке вместе с удачным геополитическим положением страны и позднейшее уменьшение этого интереса?

3) В терминологии Макса Вебера государство, способствующее развитию, исторически обладало избирательным средством с жестко иерархичной бюрократией, которая оперировала в рамках милитаризованного авторитарного режима (как это было в большинстве успешных стран Восточной Азии, за некоторым исключе-

²⁵ Ch. Lockhart: Using grid-group theory to explain distinctive Japanese political institutions, in: *East Asia September*, 19/3 (2001), 51-83.

нием послевоенной Японии) или даже с тоталитарной диктатурой (Сталинский СССР). Имеем ли мы основания говорить о возможности отделения исторического наследия авторитаризма/тоталитаризма и построении «демократии, способствующей развитию», совмещающей дисциплинирующую роль государства с практиками демократии участия?

Наиболее легким был бы ответ в духе сентенции Чжоу Эньляя о Французской революции, о которой и по прошествии полутора столетий этот соратник Мао Цзэдуна считал преждевременным говорить. Однако вызовы социальных изменений Украины, вызовы, которые упорно не вписываются в оптимистическую западнотригистскую модель (нео)либеральной модернизации, порождают императивы более оперативного реагирования. Итак, в качестве промежуточного вывода данной статьи мы можем утверждать следующее: успешные государства, способствующие развитию, возникали в ходе масштабных военных конфликтов (Южная Корея после войны с Севером), угроз таковых (Тайвань под руководством Го Миньдана после отделения от материкового Китая) или же модернизации, движимой достижением военных целей (Япония начиная с эпохи Мейдзи исин). В то же время авторитарность/тоталитарность/деспотичность режима, в рамках которого оперирует государство, *декларирующее свои попытки* способствовать развитию, ни в коей мере не является гарантией успешности такого типа институции. Тем не менее примеры успешной диффузии технологических инноваций и институциональных образцов (самым успешным примером последних является, пожалуй, распространение моделей военно-государственной организации в результате военной революции XVII века) говорят о *возможности* построения государства, способствующего развитию, во внеазиатском цивилизационном и внеавторитарном политическом контекстах. Достижение этой цели требует эквивалента «шоковой терапии» для истеблишмента, которая поставит под угрозу само существование элит в прежней структурной констелляции, культивирования компетентной и дееспособной бюрократии, а также формирования рационального избирателя, способного к долгосрочной калькуляции своих интересов. Достижение/создание вышеперечисленных элементов способно стать той формулой успеха, которая приведет к возникновению успешного государства, способствующего развитию, в новых контекстах, а возможность рефлексии и экспликации неудач на этом пути является важным ресурсом для минимизации риска провалов подобного политэкономического проекта.